

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Серия основана в 1975 г.

ЛИТЕРАТУРА
И ИСТОРИЯ
В КОНТЕКСТЕ
АРХЕОГРАФИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственные редакторы
кандидат исторических наук *С. Г. Петров*,
кандидат филологических наук *В. А. Ромодановская*

НОВОСИБИРСК
2022

УДК 821+091:003.3

ББК 83.3+63

Л 64

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Д. А. Ананьев*,
кандидат филологических наук *Л. А. Курышева*

Редколлегия:

канд. ист. наук *С. Г. Петров* (отв. редактор), канд. филол. наук *В. А. Ромодановская* (отв. редактор), канд. филол. наук *Л. В. Титова* (отв. секретарь), канд. ист. наук *И. А. Шипилов* (секретарь), д-р ист. наук *Н. С. Гурьянова*, канд. ист. наук *И. Л. Манькова*, д-р ист. наук *Н. П. Матханова*, академик РАН *С. И. Николаев*, член-корреспондент РАН *И. В. Силантьев*, д-р филол. наук *Т. В. Панич*, д-р филол. наук *Е. М. Юхименко*

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории СО РАН

Л 64 Литература и история в контексте археографии / Отв. ред. *С. Г. Петров*, *В. А. Ромодановская*; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск, 2022. — 524 с. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 41).

Очередной 41-й выпуск научных трудов серии «Археология и источниковедение Сибири» посвящен памяти члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук Елены Константиновны Ромодановской. В сборник включены статьи филологов, историков, музыковедов в широком хронологическом и тематическом диапазоне. В его составе нашел отражение обширный круг научных проблем, поднятых в трудах ученого. Авторами статей представлены результаты проведенных исследований, направленных на решение актуальных проблем по филологии, отечественной истории, археологии, источниковедению, с применением современных научных подходов и методов. Важной составляющей сборника является раздел публикации источников.

Книга рассчитана на филологов, историков, культурологов, музыковедов и всех читателей, проявляющих интерес к русской литературе, истории и культуре.

ISBN 978-5-93889-405-1

© Институт истории СО РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Статьи

<i>О. В. Белова, В. Я. Петрухин</i> «Деяния римлян»: Гракх, Цезарь и славянская средневековая историография.....	6
<i>Д. М. Буланин</i> Легенды о библиотеках византийских императоров и московских царей как культурная новация	12
<i>М. Н. Климова</i> О некоторых вопросах литературной истории Сказания Иеронима о Иуде Предателе: К изучению Эдипова сюжета в русской литературе	28
<i>Е. Л. Конявская</i> Княжеские завещания последней трети XV — начала XVI в. как источник информации о статусе и жизни русских княгинь.....	46
<i>И. А. Лобакова</i> «Питие уготовано лютое...»: Из комментария к «Писанию о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина»	57
<i>Н. С. Гурьянова</i> О научной проблеме изучения творческого наследия патриарха Никона	66
<i>М. А. Федотова</i> Книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное» Дмитрия Ростовского.....	77
<i>И. В. Федорова</i> К вопросу о рукописной традиции Путешествия Сильвестра Диканского	97
<i>А. В. Вознесенский</i> Старообрядцы и могилевская братская типография	112
<i>Н. Л. Дмитриева</i> Французский классицизм и русская поэзия: К вопросу о рецепции французской литературы в эпоху Золотого века.....	128

<i>В. Е. Ветловская</i>	
Библейские источники романа «Братья Карамазовы»: Тема Каина	135
<i>Т. Г. Иванова</i>	
Социальный портрет сибирского фольклориста и этнографа XIX в. (по материалам биобиблиографического словаря «Русские фольклористы»)	154
<i>А. Н. Власов</i>	
Житие сольвычегодского юродивого Иоанна Самсоновича и контекст стилевых эпох в народной культуре	175
<i>В. Г. Вовина-Лебедева</i>	
К биографии Александра Игнатьевича Андреева	195
<i>Т. Г. Казанцева</i>	
Старообрядческий духовный стих «О последних днях»: Особенности музыкально-поэтической формы	212
<i>А. В. Пигин</i>	
Об археографической работе В. И. Мальшева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома	231
<i>Е. Д. Конусова</i>	
Из истории формирования коллекции рукописей В. Н. Перетца	250
<i>Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов</i>	
Стихотворение Виктора Сосноры «Рогнеда»: Источник сюжета, поэтика и контексты	266
<i>М. Ю. Новицкая</i>	
Этноэкологический потенциал традиционной культуры как источник преемственности поколений в современной России	290
<i>Т. С. Царькова</i>	
Урбанистические мотивы в новейшей женской поэзии (2019–2021 гг.)	307

Статьи-публикации

- Витторио С. Томеллери*
«Ангельская хвала» (Te Deum) в переводе Дмитрия Герасимова: филологические и лингвистические аспекты. Критическое издание текста..... 319
- И. Л. Манькова*
Опись имущества Тобольского архиерейского дома 1640 г. 337
- Т. В. Панич*
«Тетради» Петра Артемьева в выписках Евфимия Чудовского..... 351
- Л. С. Соболева*
Обличение волхвов, лжепророков и чаровниц в рукописном сборнике проповедей XVII в. «Статир» 373
- О. Д. Журавель*
«Слово, одеваемое в багряницу»: проповедь «О терпении» Андрея Денисова (текст и комментарии) 386
- И. А. Шипилов*
К истории изучения книги секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Мартина Сауера: Перевод и комментарии Ф. В. Каржавина. Статья первая 401
- Д. В. Долгушин*
«Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья первая..... 442
- С. Г. Петров*
Шифротелеграммы ГПУ об изъятии церковных ценностей в Петроградской епархии в 1922 году 469
- Н. П. Матханова*
Письма Е. К. Ромодановской В. И. Малышеву, 1960-е годы..... 478
- Л. И. Журова*
Из лекции Е. К. Ромодановской..... 498
- Список сокращений..... 516

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: ТЕМА КАИНА

Библейские источники нередко встречаются в произведениях Достоевского и несут на себе серьезную идейную нагрузку. Так обстоит дело, например, в «Братьях Карамазовых», где главная движущая действие тема в модернизированном преломлении представляет библейскую притчу о дележе наследства. Можно назвать и другие библейские переключки. Если библейский материал ранее был использован в художественной литературе или фольклоре, то Достоевский, как правило, учитывал и эти варианты. Сказанное имеет прямую связь с историей Каина, предавшего и убившего ни в чем не повинного брата, принеся его в жертву собственному эгоизму и чрезмерной гордыне. В «Братьях Карамазовых» тема Каина возникает несколько раз. Важно, что она появляется в кульминационных (в идейном плане) сценах романа, начиная и заключая их (главы «Братья знакомятся», «Бунт» и «Великий инквизитор» книги «Рго и сонга»). Именно в этих сценах богоборческая суть проповеди Ивана выражена с полной определенностью, а его предательская роль по отношению не только к отцу и старшему брату Дмитрию, но и к младшему брату Алеше явно метит бунтующего героя «каиновой печатью». Обо всем этом идет речь в предлагаемой вниманию читателя статье, а также о тех источниках, которые уже обрабатывали названную в заглавии тему, — о поэме Мильтона «Потерянный рай», драме Байрона «Каин», народном духовном стихе, варьирующем тот же сюжет.

Ключевые слова: Достоевский, Мильтон, Байрон, духовный стих, Иоанн Златоуст, Каин, ближний, дальний, отец, брат, родные.

В своих поучениях, касаясь книги Иова, старец Зосима говорит о Священном Писании вообще и его роли в судьбах человека и человечества: «Господи, что это за книга и какие уроки! ...Какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных...»¹

Любые упоминания библейских персонажей и ситуаций в «Братьях Карамазовых», как, впрочем, и в других произведениях Достоевского, обычно означают их идейную связь с художественным текстом, изображающим современную автору действительность. В последнем романе писателя это можно подтвердить не одним примером, начиная с общей ситуации, соотносящейся с евангельской притчей о дележе наследства (Лк. 12:14–21),² и кончая мелкими де-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 265. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.

² См. об этом: Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. С. 263–267.

талями рассказа. В этом ряду стоит и упоминание о Каине, который приходит на память Ивану, когда он объясняет Алеше свои отношения с братом Дмитрием (сцена в трактуре):

— Что же Дмитрий и отец? Чем это у них кончится? — тревожно промолвил Алеша.

— А ты все свою канитель! Да я-то тут что? Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию? — раздражительно отрезал было Иван, но вдруг как-то горько улыбнулся. — Каинов ответ Богу об убитом брате, а? Может быть, ты это думаешь в эту минуту? Но, черт возьми, не могу же я в самом деле оставаться тут у них сторожем? Дела кончил и еду (14; 211).

Говоря о Каине, Иван, не ведая того, повторяет Смердякова:

— Брат Дмитрий скоро воротится? — сказал Алеша как можно спокойнее.

Смердяков медленно приподнялся со скамьи...

— Почему ж бы я мог быть известен про Дмитрия Федоровича; другое дело, кабы я при них сторожем состоял? — тихо, раздельно и пренебрежительно ответил Смердяков (14; 206).

Совпадение сказанного сначала Смердяковым, затем Иваном об отношении к брату Дмитрию обнаруживает их глубокое и не только кровное родство (судя по всему, герои — единокровные братья). В дальнейшем эта связь подтверждается одной и той же мрачной ролью в судьбе отца и старшего брата — ролью предателя и убийцы.

В библейском источнике Каин, сын Адама и Евы, был земледельцем; Авель, его младший брат, пас овец. Об их жертвоприношении сказано: «Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородного стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его» (Быт. 4:3–5).

Согласно библейскому преданию, Бог благосклонно принял дар Авеля и отверг дар Каина потому, что жертвы братьев были неравноценны и принесены с разным чувством. У Мильтона, опиравшегося на древнее предание («Потерянный рай», 1663; перевод Н. Холодковского), об этом сказано так:

И он

(Адам, которому архангел Михаил показывает будущее. — В. В.)

открыл глаза и пред собой

Увидел поле: половина — пашня,

Возделана, уставлена снопами,

Другая — с загородками для стад,

А посередине — жертвенник высокий,

Простой, из дерна. Вот усталый жнец,

В поту, принес от жатвенного сбора

На жертвенник плоды труда, притом

Без всякого порядка: и зеленых,
И желтых он колосьев наложил;
За ним пастух, на вид не столь суровый,
Принес отборных первенцев от стад,
Заклал их, жир и внутренности вынул
И, травами душистыми посыпав,
На мелкие дрова их положил
И все обряды должны исполнил.
И вот огонь блестящий благосклонно
Сошел с Небес, ту жертву истребил
И благодарным дымом закурился;
Другой же жертвы не коснулся он,
Как принесенной Богу не от сердца
(то есть принесенной небрежно, без должного благоговения: зеле-
ные и желтые колосья означают, что Каин принес Богу и незрелые,
и зрелые плоды земли без всякого разбора).³

Св. Иоанн Златоуст по этому поводу пишет: «...Господь наш не смотрит на различие лиц, но награждает намерение, испытывая душевное расположение», и разъясняет: Авель «принес жертву от своего, пастушеского занятия... принес не просто от овец, но *первородных*, то есть, дорогих, отборных, далее, ...от этих первородных (принес) самое драгоценнейшее: *и от туков*, сказано, *их*, из самого приятного, наилучшего. О Каине ничего такого Писание не замечает, а говорит только, что он принес *от плодов земли жертву*, что, так сказать, попало, без всякого старания и разбора». ⁴ И потому дар Каина был отвергнут.

Когда Бог увидел, что Каин, заметив предпочтение, оказанное младшему брату, «сильно огорчился» (в других переводах — «испытал глубокую досаду» или даже «разгневался»), Он сказал ему: «Почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4:6–7). Несмотря на предупреждение, Каин отказывается повиноваться Богу и, уступая чувству зависти, убивает брата. «И сказал Господь (Бог) Каину: Где Авель, брат твой? Он сказал: Не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9). Каин лжет: он знает, где Авель и что с ним. К греху убийства он прибавляет грех лжи, а форма его ответа, выдающая раздражение и злобу, недвусмысленно говорит о том, что свою вину убийца возлагает на Господа Бога. «И сказал (Господь): Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли, и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои

³ Мильтон Дж. Потерянный рай. СПб., 2013. С. 417–418.

⁴ Иоанн Златоуст. Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского, Избранные творения. Беседы на Книгу Бытия. Т. 1. М., 1993. С. 162, 163, 165.

принять кровь брата твоего от руки твоей, когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. И сказал Каин Господу (Богу): Наказание мое больше, нежели снести можно: вот Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня». Тогда Господь сделал Каину «знамение (так называемая «каинова печать». — В. В.), чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:10–14, 15).

Характерно, что в библейском тексте нет ни слова ни о раскаянии Каина, ни о его готовности искупить совершенное злодейство.⁵ Это подтверждает мысль, что, обвиняя Бога, Каин не видит в своем поступке особого греха. Раскаяние и готовность к искуплению он проявляет в позднейшей романтической и философской драме (мистерии) Байрона, посвященной библейскому персонажу («Каин», акт 3; 1821). Но это обстоятельство, несколько примиряя читателя с избранным автором героем, никак не сказывается на отношении этого героя к Господу Богу: одобряемый в своем нечестии Сатаной (у Байрона он именуется Люцифером, то есть несущим свет, *лат.*), Каин остается неисправимым богоборцем. Чувства и убеждения Сатаны, оправдывающие бунт и питающие безмерную гордыню, братоубийце ближе, чем все дары Господа Бога, в котором Каин, переворачивая понятия, видит воплощение зла — тиранию, мстительность и немилосердную жестокость, в отличие от Люцифера (Сатаны), будто бы сочувствующего человечеству.⁶

Имя Байрона и его драма (мистерия) естественно возникают в сознании читателя, знакомящегося с убеждениями Ивана Карамазова. Помимо напоминания о Каине в начале сцены в трактире некоторые мотивы «литературного предисловия» Ивана к поэме «Великий

⁵ Св. Иоанн Златоуст пишет: «Каину необходимо было тогда же, когда он был спрошен Господом: *где Авель брат твой*, исповедать свой грех, пасть (перед Богом), умолять и просить о прощении; но он в то время отверг врачество, а теперь, после приговора (Бога. — В. В.), когда все уже кончено, когда громогласно обвинила его кровь лежащего на земле (брата), он сознается и не получает от этого никакой пользы» (Иоанн Златоуст. Избранные творения. Т. 1. С. 173). Каин сознается в преступлении, но не раскаивается.

⁶ Сближение Каина и Сатаны (но, разумеется, в исключительно негативном смысле) находим у св. Иоанна Златоуста: Каин «поступил почти так же, как змей, послуживший орудием дьявольского замысла; как тот посредством обмана ввел смерть, так и этот, обольстивши брата и выведши в поле, вооружил против него свою руку и совершил убийство... Как дьявол, движимый завистию и злобою и не перенося неизреченных благодетелей, дарованных человеку с самого начала, вследствие этой зависти решился на обман, который ввел смерть, так и этот, увидев, что Господь благоволил к его брату, от зависти подвигся на убийство. Поэтому Бог и говорит ему: *проклят ты от земли*» (Иоанн Златоуст. Избранные творения. Т. 1. С. 172).

инквизитор», поясняющего Алеше, в какой круг средневековых сочинений его поэма могла бы вписаться, явно перекликаются с «Предисловием» Байрона к его драме, так же как с этим «Предисловием» перекликается и другая «поэмка» Ивана — «Геологический переворот». По поводу разговора Ивана с Алешей (главы «Бунт» и «Великий инквизитор») Достоевский писал (черновые наброски к публицистической статье): «Инквизитор и глава о детях... И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и *не было*» (27; 86). Среди «выражений» европейского атеизма Достоевский не мог не отметить и мистерии Байрона. Во всяком случае, имя английского поэта в связи с его драмой не раз возникает в рабочих тетрадях Достоевского 1875–1877 гг.: «Байрон, Каин, ложь — ложь со времен французской революции» (24; 74). Имеется в виду богоборческий характер Великой французской революции 1789–1794 гг. и попытка ее предводителей заменить культ Бога, традиционных христианских верований культом богини Разума. Отголоски поклонения новоявленной богине отчетливо слышны в драме «Каин». Ее герой одержим «жаждой знания»,

Люцифер не только удовлетворяет его желание, но и призывает его доверять разуму — величайшему источнику дерзости и непокорности. Он указывает Каину на путь «борьбы и самоутверждения», ибо тогда ничто не сможет погасить его дух, сосредоточивший в себе меру всех вещей и призванный властвовать над миром:

...Один лишь добрый дар
Дало вам древо знания — ваш разум.
Так пусть он не трепещет грозных слов
Тирана (то есть Бога. — В. В.), принуждающего верить
Наперекор и чувству, и рассудку...

(Акт 2, сц. 2).⁷

«В прославлении разума, противопоставлении его некритической слепой вере, — пишет далее исследовательница, — снова проявилась сила революционной мысли Байрона, и она увлекла тысячи восторженных почитателей...»⁸

В отличие от этих почитателей для Достоевского (по крайней мере, в период написания черновых заметок к публицистической статье) обращение Байрона к теме Каина с его богоборчеством и поклонением разуму — не что иное, как следствие врожденной физической ущербности, тяжело переживаемой автором драмы: «Каин — причина: Байрон хромой» (24; 75). Далее: «Каин, Байрон хром... Байрон хром, будь его нога пряма — он был бы спокойнее» (24; 82); и еще:

⁷ Дьяконова Н. Байрон в годы изгнания. Л., 1974. С. 69. Перевод стихов принадлежит И. А. Бунину.

⁸ Дьяконова Н. Байрон в годы изгнания. С. 69.

«Байрон — жалкая хромоножка» (24; 102); «...лорд Байрон (хромая нога)» (24; 133). Комментируя эти записи, В. Д. Рак пишет, что подобное объяснение встречается, например, «в статье И. Шерра, предпосланной собранию сочинений Байрона, имевшемуся в библиотеке Достоевского: “...при красивом лице и сложении <Байрон> имел несчастье явиться на свет кривоногим. Этот недостаток стал главным источником угрюмой мизантропии Байрона. Постоянные насмешки, которые ему приходилось выслушивать от школьных товарищей и даже матери над его хромотою, произвели глубокое впечатление на необыкновенно чувствительного мальчика... Может быть, не будет слишком смело предположить, что в душе мальчика, который, в детской досаде, сопоставлял учение катехизиса о всеблагом провидении с своим телесным недостатком, данным на его долю промыслом, возникал уже зародыш того мрачного, подкапывающегося скептицизма, который демонически царит во всех созданиях Байрона”» (24; 409, коммент.).

Чувство обделенности ввиду внешней неказистости либо ввиду стесненных обстоятельств и обид судьбы — часто достаточный повод для отрицания благой природы Божьего мира и его Творца. Герои «Братьев Карамазовых», склонные к такому отрицанию, в большей или меньшей степени знакомы с подобным чувством — это Коля Красоткин, Ракитин, Смердяков, разумеется, и Иван. Об Иване почти с первых строк сказано, что «он рос каким-то угрюмым и закрывшимся сам в себе отроком, далеко не робким, но как бы еще с десяти лет проникнувшим в то, что растут они (с братом Алешей. — В. В.) все-таки в чужой семье и на чужих милостях и что отец у них какой-то такой, о котором даже и говорить стыдно, и проч., и проч. Этот мальчик очень скоро, чуть не в младенчестве... стал обнаруживать какие-то необыкновенные и блестящие способности к учению» (14; 15). (Ничего похожего, заметим в скобках, не испытывает и не обнаруживает Алеша.) Позднее чувство ущербности, болезненно задевая самолюбие Ивана, усиливается в его душе непосредственным знакомством с «неприличным» отцом и не слишком удачным соперничеством с братом, в невесту которого Иван некстати влюбился. Все это определяет его действия в перипетиях несчастной истории того и другого («Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» — 14; 129). Митя делится своими мыслями с Алешей: «Что же касается Ивана, то ведь я же понимаю, с каким проклятием должен он смотреть теперь на природу, да еще при его-то уме. Кому, чему отдано предпочтение? Отдано извергу (Митя говорит о себе. — В. В.), который и здесь, уже женихом будучи и когда на него глядели, удержать свои дебоширства не мог, — и это при невесте-то, при невесте-то!

И вот такой, как я, предпочтен, а он отвергается» (14; 108). Мысль о несправедливости природы (стало быть, и ее Создателя), и ранее, по-видимому, приходившая на ум Ивану, со временем непременно должна была укрепиться в сознании героя, убежденного в своем превосходстве. Впрочем, для такого убеждения не нужно соперничества с «извергом» (то есть с грешником вроде Мити), достаточно любого соперничества. Каин библейского повествования и Каин Байрона, будучи сам «извергом», не сомневается, как и Иван, в своем превосходстве над жертвой — кротким и благочестивым братом Авелем.

Видимым знаком этого превосходства и одновременно отверженности («изверженности») является «каинова печать». Неясно, как она выглядела (на этот счет существуют разные мнения), ясно только, что она оберегала Каина от возможного убийства. Но для того, чтобы он был признан потенциальным убийцей, необходимо, чтобы в злодее было нечто такое, что отличало бы его от прочих. Отличало еще до метки «печатью», а затем вместе с ней. Напомним библейский текст о наказании Каина. Господь сказал ему: «...Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Но что это значит? Только одно: лишенный земной силы Каин теряет устойчивость. Он не может удержаться в одном положении и на одном месте. Опора уходит у него из-под ног. Он сам и почва под ним начинают колебаться. Земля, которую он осквернил пролитой кровью, словно отказывается держать на себе преступника и нечестивца. Именно так понимает приговор Бога Каин: «Наказание мое больше, нежели снести можно: вот Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь... и всякий, кто встретится со мною, убьет меня». Убьет потому, что увидит в нем знак изгойства, беспредельной отверженности, вызываемой его неустойчивостью, шаткостью, непрестанной трясушкой и качкой» (ср.: шататься — то же, что трястись, качаться).

В церковнославянском переводе (более близком к оригиналу) Бог так и говорит братоубийце: «Стеня и трясыйся будещи на земли. И рече Каин ко Господу Богу: Аще изгониши мя днешь от лица земли, и от лица Твоего скрюся, и буду стеня и трясыйся на земли: и будет, всяк обретаая мя, убьет мя».

В народном духовном стихе разговор Бога с Каином выглядит так (приводим стих целиком):

Рече Господь ко Каину:
«Каине, где твой брат?»
— Господи! Не страж есмь
— Брату своему. —
Еще рече Господь ко Каину:
«Каине! Чтò неправду глаголеши?»

Мене утайти хошь?
Кровь его вопиет ко Мне».
Познася Каин,
Начат рыдати — плакати:
— О горе, согреших!
— Господи, согреших!
Не вели мене убити! —
Положи Бог знамение
На Каине:
Повеле ему
Ходя по земли качатися.
Пошел по земли Каин
Качаяся,
Начат стонати — вопити,
Рыдати горько — плакати:

Далее следует «Плач Каина»:

Ох, увы мне грешному,
Увы беззаконному!
И где иду, и камо бежу?
На небесех — Сам живеши;
Во аде же — смерть поправ
(то есть и преисподняя область смерти
тоже от Тебя не закрыта. — *В. В.*);
Во глубине морстей —
Ту рука Твоя, Владыко:
Яко крепок и силен Бог,
И велик, и премудр Господи!⁹

В народном стихе «каинова печать», означающая и избавление преступника от смерти, и его наказание, заключается в одном и том же — его трясучке, постоянном качании.¹⁰

Далее. Каин в духовном стихе, в отличие от библейского источника, все-таки раскаивается в содеянном. И он не пытается бежать, скрыться от лица Господня (ср.: «...И от лица Твоего я скрюсь») из-за полной бесполезности такой попытки. Ведь точно так же, как Бог видит Каина в момент преступления, Он увидит его и в любой другой момент, где бы тот ни скрывался. Автор духовного стиха стремится это подчеркнуть. Именно Бог незримо сторожил не только Авеля, но и Каина, иначе как бы Он знал о том, что с ними случилось. Бог вообще сторожит всех и каждого, и потому ни у кого, воспользовавшегося своей свободой во зло другим, нет и не может быть надежды избежать наказания. Как раз славе всевидящего и всеведующего Бога,

⁹ Бессонов П. Калики переходные: Сборник стихов и исследования П. Бессонова. Вып. 6. М., 1864. № 525, 526. Стих № 527 почти повторяет стих № 525.

¹⁰ К такому мнению склоняется и св. Иоанн Златоуст, объясняя подобное спасение Каина от смерти как величайшее наказание (*Иоанн Златоуст. Избранные творения. Т. 1. С. 173–175*).

воздающего каждому по делам его, Его величию, силе и мудрости и посвящен приведенный здесь духовный стих.

Отсылкой к библейской истории о Каине и Авеле начинается разговор Ивана с Алешей в трактате, и отсылкой к той же истории он заканчивается (финал главы «Великий инквизитор»). Ивану не удалось убедить Алешу в богохульных идеях, обратить его в свою веру: «...Вижу, что и в твоём сердце мне нет места, мой милый отшельник... А теперь ты направо, я налево — и довольно, слышишь, довольно» (14; 240). Последний мотив стоит заметить: он разводит героев в противоположные стороны. Правая сторона, куда должен двигаться Алеша, знаменует добро, истину, праведность; левая — зло, ложь и грех. Ср. изображение Страшного суда и судеб праведных и грешных в Евангелии: «...И соберутся пред Ним (Христом. — В. В.) все народы, и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: Приидите, блаженственные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25:32–34, 41).

Простившись с Алешей, «Иван вдруг повернулся и пошел своею дорогой, уже не оборачиваясь». Алеша «немного подождал, глядя вслед брату. Почему-то заметил вдруг, что брат Иван идет как-то раскачиваясь, и что у него правое плечо, если сзади глядеть, кажется ниже левого. Никогда он этого не замечал прежде. Но вдруг он тоже повернулся и почти побежал к монастырю» (14; 241).

Походка Ивана с ее раскачкой, которую только после искусительной речи брата заметил Алеша, бросает на Ивана недобрую тень, увязывая его одной и той же «печатью» («знамением») с Каином, героем духовного стиха. Но не только. Правое плечо искусителя, которое кажется ниже левого, намекает также на то, что правая нога Ивана короче левой, то есть что герой хром.¹¹ Разумеется, этот изъян может быть причиной того, чтобы «ходя по земли качатися», но мотивы хромоты и качания не приклеены друг к другу и существуют отдельно.

О хромоте Каина в источниках не говорится, однако Достоевский, как помним, подчеркивал этот недостаток у Байрона, автора мистерии «Каин». И хотя с внешним видом Каина в мистерии все в порядке, тот, кто вдохновил братоубийцу на злодейство, то есть Сатана (Люцифер), согласно библейскому преданию (естественно «за-

¹¹ См. об этом: *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». С. 516–517.

бытому» английским поэтом), был хромым. По одной из версий он стал таким из-за раны, полученной в стремительном падении с небес в преисподнюю в результате (или иногда по ходу) битвы светлых сил с мятежным воинством бунтовщиков.

В вариациях Мильтона об этом сказано дважды. Сначала сокрушительный удар Сатане наносит один из ангелов света:

...Разом
Назад на крупных десять он (Сатана. — В. В.) шагов
Попятился, и только на десятом,
Уже согнув колено, на копье
Огромное успел он опереться.¹²

Затем на злодея «с ужасной силой» обрушивается меч архангела Михаила. Разрубив оружие врага,

...Тут же
Вонзился быстрым поворотом он
В бок правый Сатаны. Тогда впервые
Боль Сатана почувствовал и, корчась,
Согнулся — так болезненно пронзен
Он был насквозь огромной, страшной раной.¹³

Подогнувшееся колено и рана в правом боку, побуждающие предположить, что с правой ногой Сатаны теперь тоже как-то неладно, — отголоски предания о хромоте дьявола.

Мефистофель у Гете также хромает. На это обращает внимание Зибель, когда видит Мефистофеля и Фауста, присоединившихся к компании гуляк («Фауст». Часть первая. Сц. 5. Погреб Ауэрбаха в Лейпциге):

Фауст
Поклон вам, господа!
Зибель
Спасибо за поклон.
(Взглянул искоса на Мефистофеля, в сторону.)
Но отчего прихрамывает он?¹⁴

Хромота Мефистофеля не имеет отношения к битве в небесных сферах. Она опускает представителя нечистой силы вниз и связана с распространенным представлением о скотской, звериной природе дьявола: одна нога у Мефистофеля в трагедии Гете кончается конским копытом. Эта деталь упоминается в разных сценах трагедии. Так, явившись с Фаустом на шабаш в Вальпургиеву ночь (Часть пер-

¹² Мильтон Дж. Потерянный рай. С. 231.

¹³ Мильтон Дж. Потерянный рай. С. 236.

¹⁴ Гете И. В. Фауст: Трагедия / Перевод Н. Холодковского. Петрозаводск, 1975. С. 81.

вая. Сцена: Вальпургиева ночь), Мефистофель говорит своему спутнику, что хотел бы остаться неузнанным, но это невозможно:

Инкогнито я мог бы предпочесть,
Но всяк свой орден в праздник надевает.
Меня «подвязка» хоть не украшает,
Зато копыту здесь большая честь.¹⁵

Далее в той же сцене одна из ведьм называет Мефистофеля «рыцарем копыта».¹⁶ Напрашивается упоминание и о «Хромом бесе» Лесажа (1707), но эта мелкая нечисть в данном случае важна только своей колченогостью и ничем больше.

Необычная походка Ивана, его правое плечо (точнее, подразумеваемая здесь правая нога), самый характер его искусительной проповеди сближает этого героя с Каином народного стиха и нечистым духом немалого ранга.¹⁷ Такое сближение понятно, ведь за каждым грехом (а здесь речь идет о тяжком грехе предательства и убийства) стоит дьявол. То, что позднее он является Ивану в сниженном, весьма неприглядном виде, ровно ничего не значит: черт нацепил на себя это мало привлекательное обличье для собственного развлечения и ехидной насмешки над незрелым, но самоуверенным ученым атеистом (15; 81–82). Он признается Ивану: «Я и пришел, чтоб угостить себя этим удовольствием. О, я люблю мечты пылких, молодых, трепещущих жаждой жизни друзей моих!» (15; 83). Сам Иван после исчезновения черта с обидой говорил Алеше: «... он зол. Он надо мной смеялся. Он был дерзок, Алеша» (15; 87). Ничего положительного в этом «джентльмене» из преисподней (15; 70, 71), будь он даже самым сатаной, прежним ангелом высшего ранга, способным сверкать временами ослепительными отблесками нездешнего света, у Достоевского нет. Поэтому стремление так или иначе обелить эту зловещую фигуру и приписать такое стремление автору «Братьев Карамазовых», как это делает В. Ляху, не имеет под собой никаких оснований.¹⁸

¹⁵ Гете И. В. Фауст. С. 174. «Подвязка» означает высшую английскую награду — Орден подвязки.

¹⁶ Гете И. В. Фауст. С. 177.

¹⁷ На последнее обстоятельство намекают слова Федора Павловича Карамазова в келье старца, адресованные Петру Александровичу Миусову: «Я шут коренной, с рождения... не спорю, что и дух нечистый, может, во мне заключается, небольшого, впрочем, калибра, поважнее-то другую бы квартиру выбрал, только не вашу, Петр Александрович, и вы ведь квартира неважная» (14; 39). Дальнейшие события романа указывают на Ивана как на «квартиру», выбранную нечистым духом, «калибром поважнее».

¹⁸ См.: Ляху В. Люциферов бунт Ивана Карамазова: Судьба героя в зеркале библейских аллюзий. М., 2011.

После разговора с Иваном, смутившего на какой-то момент его душу, Алеша поспешил к своему старцу. Главу «Великий инквизитор» заключают важные мотивы: «Потом он (Алеша. — В. В.) с великим недоумением припоминал несколько раз в своей жизни, как мог он вдруг, после того как расстался с Иваном, так совсем забыть о брате Дмитрие, которого утром, всего только несколько часов назад, положил непременно разыскать и не уходить без того, хотя бы пришлось даже не воротиться на эту ночь в монастырь» (14; 241). Именно о Дмитрие спросил Алешу старец, едва лишь тот к нему явился, и, узнав, что Алеша видел только Ивана и не видел Дмитрия, приказал ему поскорее разыскать брата:

– Поспеши найти, завтра опять ступай и поспеш, все оставь и поспеш. Может, еще успеешь что-либо ужасное предупредить» (14; 258).

Ради такого предупреждения старец ранее и посылал Алешу к братьям: «Ступай и поспеш, около братьев будь. Да не около одного, а около обоих» (14; 72); затем еще раз:

- Ждут ли тебя твои, сынок?
- Алеша замялся...
- Обещался... отцу... братьям... другим тоже...
- Видишь. Непременно иди. ...иди к тем, кому обещал (14; 155).

Однако, несмотря на настойчивое приказание духовного отца, Алеша не смог встретить Дмитрия: сначала его сбил с толку разговор с Иваном, а затем отвлекла от всех забот кончина старца с ее неожиданными последствиями.

Что же касается Ивана, то он хотя и обещал Алеше, несмотря ни на какие неприязненные чувства, защитить отца («Знай, что я его всегда защищу» — 14; 132), то есть, в сущности, обещал сторожить и его, и Дмитрия, но на другой же день не захотел даже вспомнить об этом. Нимало не смущаясь, он заявил тому же Алеше, что «канитель» с отцом и Дмитрием ему глубоко безразлична: «Да я-то тут что? ...черт возьми, не могу же я в самом деле оставаться тут у них сторожем? Дела кончил и еду». Далее: «Какое мне дело до Дмитрия? Дмитрий тут ни при чем. У меня были только собственные дела с Катериною Ивановною» (14; 211). Однако, как читателю известно, эти «собственные дела» были все-таки связаны с Дмитрием.

И надо сказать, что если забывчивость Алеши, не нашедшего брата и не предупредившего несчастья, извинительна (сначала из-за разговора с Иваном, затем из-за смерти любимого старца), то у Ивана для такой забывчивости нет никаких оправданий. Он отправился в Москву без всякой необходимости, отчетливо сознавая, что Дмитрий,

дошедший до состояния невменяемости и иступления, с минуты на минуту способен явиться к ненавистному отцу для самых решительных действий. Готовность к ним он уже успел продемонстрировать (Часть первая. Книга третья. Глава IX. «Сладострастники»). Распря отца и брата должна была завершиться трагедией. Именно поэтому, бросив стеречь того и другого и «уже въезжая в Москву», Иван «вдруг как бы очнулся. — Я подлец! — прошептал он про себя» (14; 255). Однако трезвая оценка поступка не меняет отношения Ивана к оказавшимся в центре трагедии родным. В конце концов он остается главным виновником (идейным вдохновителем) убийства отца и главным виновником рокового оборота событий в судьбе Дмитрия (об этом свидетельствует его поведение накануне судебного разбирательства и затем уже на суде). Рассказчик объясняет: «Кстати, промолвим лишь два слова раз навсегда о чувствах Ивана к брату Дмитрию Федоровичу; он его решительно не любил и много-много что чувствовал к нему иногда сострадание, но и то смешанное с большим презрением, доходившим до гадливости. Митя весь, даже всю свою фигуру, был ему крайне несимпатичен. На любовь к нему Катерины Ивановны Иван смотрел с негодованием» (15; 42). Митя в глазах Ивана «гад» и «изверг» — «изверг» даже тогда, когда Иван твердо знает, что брат не убивал отца (15; 39, 117).

Несколько отвлекаясь, заметим: библейская история о Каине и Авеле этими братьями в качестве действующих лиц и ограничивается; их общий отец, Адам, пребывает где-то в тени, за пределами сцены. Зависть к брату, злобное раздражение, временами ненависть не только к нему, но и к отцу — важнейший мотив трагедии Байрона на библейскую тему. Высокомерное презрение и гордыня, лежащие в основании такого отношения к родным, отличают героев Байрона и Достоевского, хотя характеры этих родных не обнаруживают особого сходства. Нет сходства и в трактовке авторами бунтующих героев, несмотря на то, что Байрон, обеляя Каина, заставляет его раскаяться в злодействе, а у Ивана однажды вырывается возглас сострадания несправедливо подозреваемому в преступлении брату (15; 61). Сочувствие Байрона бунтующему герою не вызывает одобрительного отклика у Достоевского. Сближение с Каином Ивана Карамазова рисует Ивана в самом невыгодном свете.

В этом сближении грех предательства родного брата, по Достоевскому, играет главную роль. Так обстоит дело уже в библейском рассказе, где Бог спрашивает Каина не просто об Авеле, но об убитом брате: «Где Авель, брат твой?» — как если бы был и еще какой-то Авель, не имеющий с Каином никакого родства. И хотя Каин отрекается от связи с убитым братом (у Байрона это происходит до убий-

ства), Господь продолжает: «Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли». Ясно, что предательство и убийство родного человека утяжеляет грех. В самом деле: такое преступление, совершенное вопреки природе и Богу, разрывает кровные и, казалось бы, самые прочные узы, соединяющие людей (ср. славянский обряд и обычай побратимства). Но подобные соображения мало смущают Ивана. Свою «исповедь» перед Алешей, несущую искустительный смысл, он начинает словами (глава «Бунт» книги пятой «Pro и contra»): «Я тебе должен сделать одно признание... я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» (14; 215). На это Алеша замечает, что, по мнению старца Зосимы, такие чувства испытывают «многие еще неопытные в любви» люди (14; 216). Но это замечание скользит мимо Ивана. Он повторяет: «Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда» (14; 216).

Между тем, не любя ближних, нельзя любить и дальних. Ведь человечество, счастьем которого (в отличие от благополучия родных) озабочен Иван, сплошь состоит из более или менее ближних, поскольку без них это человечество — пустой звук, химера, в реальности оно не существует вовсе. Именно для того, чтобы научить Алешу настоящей, деятельной любви, старец и посылает юного послушника в мир, к родным людям (14; 71–72). Лишь родственная любовь, предполагающая способность к состраданию и самопожертвованию в состоянии радикально преобразовать мир и принести человечеству счастье. Поэтому главный мотив проповеди старца — мысль о необходимости братской любви: «Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся (так, чтобы каждый в отдельности и все вместе были свободны, равны и счастливы. — В. В.). Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру... Буди, буди!» (14; 286–287). Образ Христа здесь служит символом самозабвенной, родственной любви, о которой говорят первые же слова главной христианской молитвы: «Отче наш...». Будучи Отцом всех людей без исключения, Господь делает всех без исключения братьями, соединяя их самой тесной, неразрывной связью. От этой связи каждый, как Каин, может отказаться, но он не в силах ее отменить.

О родственной любви как трудном, но единственно возможном способе разрешения любых частных и общих противоречий Достоевский писал и в окончательном тексте, и в черновых заметках к «Братьям Карамазовым»: «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно» (14; 52); «О родственных обязанностях. Старец говорит, что Бог дал родных, чтоб учиться на них любви»; «Учитесь

любить... С родственников»; «...На родственниках учиться любви»; «Семейство как практическое начало любви. Семейство расширяется: вступают и неродные, заткалось начало нового организма» (15; 205, 207, 208, 249).

В этом новом организме, основанном на началах любви, дальних нет, они становятся ближними, и нет чужих, но все родные. Об этом прямо и в притчах не раз говорил Христос. Однажды, когда в каком-то доме Он беседовал с народом, «некто сказал Ему: вот, Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот, мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12:47–50). Однажды «пришли к Нему Мать и братья Его, и не могли подойти к Нему по причине народа. И дали знать Ему: Мать и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк. 8:19–21). Духовное родство здесь приравнено кровному, но, в отличие от близости по крови, духовное родство не знает границ. В принципе оно способно соединить всех вообще. К такому широкому и органичному единству, скрепленному деятельной любовью, призывала проповедь старца Зосимы. Эта же мысль о родственной любви, обнимающей всех без исключения, выражена в древних редакциях Жития Алексея человека Божия и, особенно ярко, в народных обработках этого жития — в духовных стихах, гениально варьирующих его основную тему. Не случайно Алексей человек Божий стал литературным и фольклорным прототипом Алеши Карамазова.¹⁹

В противоположность проповеди старца Зосимы проповедь Ивана строится на разделении (Книга пятая «Pro и contra», главы «Бунт» и «Великий инквизитор»), поскольку, по понятиям этого героя, далеко не все заслуживают любви: «...О больших я и потому еще говорить не буду, что, кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают, у них есть и возмездие» (за первородный грех; 14; 216). Разделение на заслуживающих и не заслуживающих любви у Ивана начинается с ближайших и кровных родных. Поскольку объективного критерия для такого разделения не существует, то каждый волен решать вопрос по своему усмотрению. Это значит, что границы между разными категориями чрезвычайно размыты: тот, кто на взгляд одного заслуживает любви, на взгляд другого не заслуживает ее вовсе — со всеми вытекающими отсюда возможными последствиями вплоть

¹⁹ Подробно об этом см.: *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». С. 194–228.

до смертного приговора и убийства. Из приговоренных к осуждению, в принципе, не изъят и тот, кто судит. Для этого достаточно поменять критерии или тех, кто берет на себя право суда.

По мнению Ивана, не достойны не только любви, но даже жизни его родной отец и брат Дмитрий (14; 129). Младшего брата, Алешу, Иван, как утверждает, любит. В начале «исповеди» перед ним («исповедью» Иван сам называет свою речь — 14; 215) он говорит:

...я одного русского мальчика, Алешку, ужасно люблю.

— Как ты это славно подвел, — засмеялся вдруг Алеша (14; 213).

Судя по этой реакции, Алеша не слишком верит в искренность брата. И правильно делает: большой любви к Алеше в поступках и речах его собеседника нельзя заметить. Однажды Алеша сказал об Иване, что тот «никому не верит. Коль не верит, то, конечно, и презирает» (15; 24). А коль презирает, то и не любит. Это нетрудно понять из разговора, в котором Иван признается Алеше в любви. Ведь Иваном движет не столько желание исповедаться, облегчив откровенным рассказом душу, как это бывает в исповеди, сколько стремление «сдвинуть» Алешу с его христианского «устоя» (14; 215). «Ты мне дорог, — говорит он вдруг среди “исповеди” брату, — я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосиме» (14; 222). Затем, когда задача искушения провалилась и Алеша, на мгновение отступив, все-таки удержался на своем «устое», Иван вынужден был заключить патетическую и подкупающе красноречивую декламацию перед «единым слушателем» (14; 224) словами: «Я, брат, уезжая, думал, что имею на всем свете хоть тебя..., а теперь вижу, что и в твоём сердце мне нет места, мой милый отшельник» (14; 240).

Стараясь сбросить Алешу с христианского «устоя» и, завладев неопытной душой, отдать ее дьяволу (ведь иного выбора нет), Иван тем самым предает и этого брата. «Любовь» богоотступника, убеждающего в своей правоте другого, чревата гибельным результатом, она стоит ненависти. Сказано: «...Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28). Поэтому совсем не случайно отсылка к истории Каина, библейского предателя и убийцы, предваряет и завершает «знакомство» единоутробных братьев, Ивана и Алешы (с Митей Иван связан кровным родством только по отцу). И нелишне добавить: если роль Ивана в отношениях с Дмитрием и Алешей, меченная «каиновой печатью», одна и та же, то характеры его жертв различны. Кроткий, тихий, боголюбивый Алеша гораздо ближе Авелю, живо изображенному Байроном, чем буйный, несдержанный Митя.

Вина Ивана перед младшим братом тем сильнее, что, искушая Алешу богоборческими речами, герой сам не до конца верит в то, о чем говорит. Для него эти речи, при любой степени их откровенности, — все-таки нечто вроде религиозно-философских экзерсисов на тему (ср., например: 14; 242), которую ранее он затронул в статье о церковном суде. Статья вызвала одобрение противоположных лагерей — и церковников, и атеистов. Это могло случиться лишь при условии, что автор что-то не договаривал или не был уверен в выборе предпочтений, признавая правоту одних и других, либо отвергая тех и этих, либо шутя и путая их. Такая ситуация понятна, если учесть, что главный вопрос, от которого напрямую зависят его печатные и устные рассуждения, вопрос о Боге и бессмертии для самого Ивана еще не решен. Об этом говорит старец Зосима, выслушавший Ивана и дебаты вокруг его статьи, в которой автор, как сам признается, «не совсем шутил» (то есть шутил и не шутил одновременно):

Не совсем шутили, это истинно... В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения...

— А может ли быть он во мне решен? Решен в сторону положительную? — продолжал странно спрашивать Иван Федорович...

— Если не может решиться в положительную, то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его... Дай вам Бог, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле... (14; 65–66).

Однако, несмотря на то, что Иван еще ничего не решил, в разговоре с Алешей он продолжает настаивать на богоборческой теории «все позволено», одобряющей своеволие и «эгоизм даже до злодейства» (14; 65): «Да, пожалуй, “все позволено”, если уж слово произнесено. Не отрекаюсь. Да и редакция Митенькина недурна» (14; 240). «Редакция» Мити заключалась в готовности воспользоваться этой теорией (для самоуспокоения и ободрения) в каком-нибудь крайнем случае (например, если он, будучи в гневе, осмелится убить отца; 14; 65).

Заявление Ивана «все позволено» вовсе не свидетельство того, что он поставил точку в мучающем его вопросе. Он просто не мог иначе закончить искустельную речь, нацеленную и против благочестивых верований брата, и против Господа Бога. Важно подчеркнуть, что в сцене знакомства с Иваном Алеша, напоминая об Авеле, еще раз напомнил и о Христе, ибо, согласно богословской традиции, Абель — прообраз Спасителя, невинной жертвы зависти, своеволия и жестокого эгоизма. Так выглядит ситуация, если иметь в виду один конец раздваивающихся у Ивана мыслей. Но, умалчивая в разговоре с братом о контраргументах, Иван, как ясно из позднейшего его разговора с чертом (15; 83), не может удержаться и на этом конце. Он по-прежнему шатается из стороны в сторону. И думается, что «качание»

Ивана (ср.: «идет как-то раскачиваясь»), заимствованное Достоевским из духовного стиха, в переносном плане содержит именно этот смысл. Сомнения никогда не покидают Ивана. По поводу подобных сомнений апостол Иаков в Соборном послании пишет: «...Сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой», так же и «человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Иак. 1:6, 8).

Оставаясь в таком неустойчивом положении, занятый собою более, чем кем бы то ни было, Иван, конечно, никому не может быть ни сторожем, ни опорой. И никого не способен удержать и защитить — ни отца от брата Дмитрия, ни брата Дмитрия (от самого себя, то есть от бешенства и приступов гнева), хотя раньше он обещал Алеше эту защиту. Имея в виду обещание Ивана, Алеша говорил отцу: «Он (Иван. — В. В.) нас стережет» и далее: «...Он вас защитит» (14; 130, 132). Однако Иван бросил отца и брата именно в тот момент, когда дело у них дошло до катастрофической развязки:

«Я ведь не знаю, не знаю, — сказал он (Митя. — В. В.) тогда (Алеше. — В. В.), — может, не убью, а может, убью. Боюсь, что ненавистен он вдруг мне станет *своим лицом в ту самую минуту*... Личное омерзение чувствую. Вот этого боюсь, вот и не удержусь...»

Личное омерзение нарастало нестерпимо. Митя уже не помнил себя и вдруг выхватил медный пестик из кармана...

Далее следует многозначительная пауза, выраженная строкой отточий, а за ней абзац, начинающийся словами: «“Бог, — как сам Митя говорил потом, — сторожил меня тогда”: как раз в это самое время...» и т. д. (14; 355). Напряжение в крайне обострившейся ситуации внезапно и благополучно разрешилось так, что Митя, вопреки собственным опасениям и ненавистным чувствам, все-таки удержался на краю грозившей ему бездны и не убил отца.

Бог сторожил Митю, как Он сторожит каждого человека либо для спасения его души, либо для наказания — в зависимости от доброго или дурного направления его свободной воли. Ведь Митя оказался у опасной грани не столько в силу собственной порочности, сколько в силу глубоко порочной воли его безбожного отца.

Мысль о том, что Бог, сторожа человека на всех путях его, никогда и никого не упускает из виду, высказанная в кульминационной сцене детективного сюжета, повторяет главную идею духовного стиха, варьирующего библейскую тему о Каине и принесенной им жертве. Не в угоду Господу Богу, но в угоду собственным низменным чувствам и тому, кто, не устояв в истине, «был человекоубийца от начала» (Ин. 8:44).

Выходя за границы библейской истории, отраженной в романе, и обобщая подобные случаи, заметим, что если в обработке литературных источников Достоевский обычно так или иначе преобразует их, то в обработке фольклорного материала он не позволяет себе никаких содержательных изменений.

Список литературы

- Байрон Дж. Н. Г.* Каин // *Байрон Дж. Н. Г.* Собр. соч. В 4 т. М., 1981. Т. 4. 496 с.
- Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. 640 с.
- Гете И. В.* Фауст: Трагедия. Петрозаводск, 1975. 304 с.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дьяконова Н.* Байрон в годы изгнания. Л., 1974. 192 с.
- Иоанн Златоуст.* Избранные творения. Беседы на Книгу Бытия. М., 1993. Т. 1. 471 с.
- Ляху В.* Люциферов бунт Ивана Карамазова: Судьба героя в зеркале библейских аллюзий. М., 2011. 282 с.
- Мильтон Дж.* Потерянный рай. СПб., 2013. 480 с.